Новгородское вече, являвшееся в это время в полном смысле слова фикцией народоправства, служило ареной столкновения двух антагонистических классов — старого феодального боярства, с одной стороны, купечества и ремесленников — с другой. „И бысть в Новегороди молва велика и мятеж мног... и разделишася людие: инеи хотяху за князя, а инеи за короля за литовского“,[1] — так характеризует летописец внутриполитическое положение Новгорода во время походов Ивана III. Поддержка новгородскими социальными низами объединительной политики великого князя Московского облегчила и ускорила процесс присоединения Новгорода к Москве.

В решившей судьбу Новгорода битве при Шелони не только основная масса огромного новгородского ополчения, которую составляли „купци и житии людие, мастыри всякие — спроста рещи — плотници и горчары“, не дерзнула „поднять руку противу великого князя“,[2] но и „владычний полк“ — гвардия новгородского архиепископа — не осмелился выступить против общерусской рати Ивана III. И если боярская верхушка Новгорода еще долго, почти до самого конца XVI века, была питательной средой для сепаратистских настроений, то народные массы Новгорода, как и других феодальных центров, сразу и навсегда стали на сторону сильной централизованной великокняжеской власти и никогда после этого ни новгородскому боярству, ни другим антипатриотическим, децентралистическим элементам не удавалось поднять их против Москвы.

Борьба двух антагонистических социальных группировок нашла свое яркое отражение в новгородской литературе второй половины XV века, обусловив появление в ней двух направлений, что сказалось даже в официозной новгородской письменности. Если до этого книжная деятельность архиепископского двора была направлена на обоснование и укрепление антимосковских, областнических тенденций и знаменитому писателю-агиографу Пахомию Сербу заказывались службы и жития местных святых, прославившихся своей борьбой за самостоятельность Новгорода, то теперь тот же Пахомий обрабатывает жития новгородских святых с явно промосковской тенденцией, называя князя Василия Васильевича „великим князем володимирским, московским, новгородским и всея Руси“, а Новгород — его „вотчиной“. Иную трактовку получают также и древние новгородские легенды и предания; не любованием новгородской стариной, не оплакиванием ее, а издевкой над новгородским самоуправлением и его выборной администрацией являются легенды о „перуновой палице“, „варяжской божнице“ и „Повесть о посаднике Щиле“. Наконец в явно промосковском духе перерабатывается житие новгородского святого Михаила Клопского.

К какому же из этих направлений следует отнести Повесть о новгородском белом клобуке, построенную на местном новгородском легендарном и агиографическом материале?

Ответить на этот вопрос можно лишь только после тщательного анализа идейно-политического содержания этого произведения с учетом всего богатства и разнообразия его рукописного наследства.

Автором настоящей статьи было обследовано свыше 250 списков Повести о белом клобуке в книгохранилищах Ленинграда (Государственная Публичная библиотека им. Салтыкова-Щедрина, Библиотека Академии Наук СССР, Архив Института истории Академии Наук СССР),

---

[1] ПСРЛ, т. IV, стр. 128.
[2] Там же, т. XXV, стр. 289.